

04.03.20

г. Алматы

Стенограмма **Think Tank Aspandau #17**

**Госпрограмма развития системы образования и науки на 2020-2025 годы:
незакрытые вопросы и открытые ответы.**

Модератор:

Канат Нуров – президент НОФ «Аспандау», член НСОД

Спикеры:

Асхат Аймагамбетов – Министр образования и науки РК

Асылбек Кожаметов – президент университета AlmaU, член НСОД, член
Правления НОФ «Аспандау»

Ельдар Абдразаков – председатель совета директоров группы Сентрас

Эндрю Вахтель – ректор университета NARXOZ

Архимед Искаков – директор «Школы Архимеда»

Канат Нуров

Уважаемые коллеги, всех приветствую на 17-м заседании нашего дискуссионного клуба Think Tank Aspandau. Сегодня наша тема: Госпрограмма развития системы образования и науки 2020-2025 годы. Незакрытые вопросы и открытые ответы. Сегодня я хотел бы представить вам наших спикеров: Асхат Аймагамбетов – Министр образования и науки РК; Асылбек Кожаметов – президент университета AlmaU, член НСОД, член Правления НОФ «Аспандау»; Эндрю Вахтель – ректор университета NARXOZ; Архимед Искаков – директор «Школы Архимеда». И как Канат Ильич я должен вам представить Эльдара Советовича - президента группы Сентрас.

Вы знаете, наш совершенно новый формат, который недавно ввел Арнур Арыстанович Нуркатов, как член Попечительского совета НОФ «Аспандау» который курирует этот Think Tank и сейчас мы не так, как раньше – основной докладчик, потом долго доклады, потом оппонент говорит, как в научных советах. Сейчас мы на каждый вопрос стараемся дать 3-5 минут для ответа. Это наш обычный формат. Но сегодня у нас день необычный. Потому что министр образования лично приехал и попросил создать для себя платформу, где бы мы все не нападали, чтобы он смог нормально донести свой месседж о

госпрограмме развития науки и образования до 2025 года. И, я думаю, это разумное желание дать ему возможность - в течении 5-10 минут изложить суть этой программы. И потом мы приступим к тем вопросам, которые обозначены в пресс-релизе, который у вас всех на руках. И мы все их рассмотрим и каждый будет в режиме диалога на них отвечать. Давайте предоставим слово Асхату Канатовичу Аймагамбетову.

Асхат Аймагамбетов

Большое спасибо, уважаемые эксперты и коллеги. Во-первых, хочу поблагодарить за приглашение, за такую площадку. Буквально сейчас я встречался в Национальной академии наук с академиками. Там порядка двухсот человек и, понятно, специфика там несколько другая. Здесь, наверное, дискурс будет несколько в другую сторону и очень надеюсь на конкретные конструктивные предложения. Мы всегда встречаемся с экспертами и для нас ваши предложения очень важны, если будет анализ. И как психологи говорят: я вас бить не буду, я вас просто проанализирую. Поэтому я надеюсь, что мы получим от вас хороший качественный анализ и обратную связь по поводу наших начинаний и может какие-то предложения относительно имплементации наших начинаний. Госпрограмма утверждена так или иначе. Нам часто говорят, что в госпрограмме очень много хороших лозунгов и хороших идей, но вопрос заключается в том, как мы это будем реализовывать. Многие эксперты говорят: а как это потом внедрять и почему именно такие меры отмечены в госпрограмме. Всё очень просто! На самом деле, когда мы готовили госпрограмму, мы, во-первых, сами рассматривали исследования, во-вторых, в прошлом году мы получили результат четырёх международных исследований. Из них самые известные и нашумевшее это PISA - мы получили результаты за 2018 год. Мы получили результаты PIAAC - это очень большое исследование по навыкам взрослого населения. «ICILS» - по it-грамотности, «TALIS» - по образовательной политике. Сама структура она несколько другая. Мы в этот раз отошли от уровневой системы - начиная от дошколы, среднего образования, высшего образования, науки и т.д. Подошли больше по приоритетам. Я так понимаю, сегодня много будет вопросов по высшему образованию - по вузам - что мы делаем, куда мы идем и какие меры принимаем. Буквально несколько моментов. Нас критикуют за изменения.

Говорят: «Очень много изменений - каждый министр приходит; зачем это нужно». Но мне кажется, что есть консенсус и не только общественное мнение, но и есть понимание, что по итогам всех этих исследований - международных сопоставительных анализов - изменения нужны и все исследования говорят, что да! Вопрос в том - какие изменения и на сколько они системные, а не мозаичные. И я думаю, что изменения нужны.

Теперь по вузам! Мы, в принципе, провели большую реформу - дали академическая самостоятельность, дали экономическую самостоятельность, дали управленческую самостоятельность и финансовую самостоятельность. Вопрос в том, насколько теперь по прошествии более чем одного года наши вузы пользуются этой самостоятельностью, как и насколько обновились образовательные программы. Мы видим, что, к сожалению, здесь ситуация неоднозначная. По многим, как по частным, так и по некоторым государственным, вузам особых изменений, как в управленческом плане, так и в системе финансирования, так и в академических программах, мы, к сожалению, не видим. Нас очень много критикуют насчёт того, что мы даем с одной стороны академическую самостоятельность, а с другой стороны государство очень сильно пытается регулировать рынок и то что сегодня мы закрываем вузы. Есть такая политика, вы знаете, у нас было 132 вуза и на сегодняшний день мы сократили их количество до 128. Только один вуз, который мы закрыли насчитывал 32 000, считайте это самый крупный вуз Казахстана в Шымкенте - Шымкентский региональный инновационный университет. Пошли посмотрели - занятий практически нету и очень много нарушений. То, что говорит президент - это фактически так. Некоторые говорят, что это просто печатание дипломов - и так оно и есть! Поэтому вопрос здесь стоит в том: надо ли государству вмешиваться в эти процессы, надо ли регулировать или отдать все на откуп рынку. Мы считаем, что это 50/50. С одной стороны - регулирование должно быть. Наша позиция такая, что мы должны дать требования на входе и мы должны смотреть, что на выходе, а в процессные внутренние дела не вмешиваться. Это в идеале. Но на сегодняшний день, к сожалению, когда мы видим, что вузы когда-то получившие лицензию и при этом они злоупотребляют и дают некачественные знания и практически там обучения нету, мы вынуждены вмешиваться в этот процесс. Квалификационные требования по открытию вузов тоже критикуют, но здесь мы меняем подходы, мы теперь не будем смотреть количественные

показатели, т.е. наш контроль не должен приходить и считать сколько там у тебя ложек, сколько у тебя мест, сколько у тебя квадратных метров, сколько у тебя стульев. Мы должны смотреть на качественные показатели. Мы с коллегами, кстати, встречались и сейчас квалификационные методы мы сильно меняем. Понятно, что МОН, сидя в Нур-Султане на 9 этаже в Доме министерств, не может и не должен управлять всей системой, в данном случае, высшего образования. Мы должны формировать политику, и никто не собирается этого делать, но при этом на сегодняшний день ситуация такова, что мы должны эти вопросы так или иначе решать. В целом политика такая, что мы в госпрограмме написали - академическая автономия не только для вузов. То, что мы дали вузам, дальше мы эту ситуацию будем расширять возможно через упразднения: отход от типовых правил деятельности, квалификационных требований и т.д. Но это все будет постепенно. Дальше мы хотим переходить к тому, чтобы нашим колледжам тоже дать академическую самостоятельность. Потому что до сих пор колледжи работают по утвержденным МОН типовым программам. В этих типовых программах мы утвердили какие-то результаты обучения. Я всегда привожу пример по IT. Все критикуют IT, говорят, сейчас нам надо C++, Python, Java и еще какие-то языки программирования. А некоторые, а может и большинство, Вузов учат Паскалю, хотя это нигде не надо. Но в чем проблема? Проблема не в том, что Вузы не знают, что нужно; проблема в том, что система была такая, что для того чтобы к ним никто не пришел и не забрал лицензию, им надо было следовать типовым учебным программам, которые утверждались министерством. Мы сейчас от них отказались, сказали, ребята вы можете делать это сами. Есть рынок, есть профессиональные стандарты - основой должны быть они. Но при этом, давая Вузам академическую самостоятельность, мы видим проблему, что сам центр власти академической и управленческой самостоятельности оставляют в ректорате. Сама управленческая структура она очень громоздкая - тот же самый ректор, тот же самый ректорат, практически никаких горизонтальных связей нет, хотя в прошлом году мы были в Париже и как раз министры стран Европы и подписантов Болонской декларации говорили о том, что на первый план выходит студентоцентрированное обучение. Если говорить о студентоцентрированном обучении, о том, что нужно давать власть академическим советам, надо давать полномочия кафедрам, надо давать полномочия деканатам, то, к сожалению, во многих Вузах такого у нас, на

сегодняшний день, нету. Теперь что касается кредитной системы. 10 лет практически мы внедряем и в большинстве вузов эта система полностью не работает. Мы это знаем! Есть каталоги элективных дисциплин. Выбор в некоторых Вузах достаточно формальный, потому что надо кафедру обеспечить часами и говорят, что какие предметы ты должен выбрать и где здесь кредитная система. Поэтому эти вопросы тоже являются для нас важными! Мы сейчас переводим, в данном случае это 27 государственных Вузов в НАО - некоммерческие Акционерные Общества. В том числе, мы сейчас хотим сформировать Советы директоров, которые будут независимы от МОН. Там будут сидеть люди, действительно, знающие систему, эксперты, потому что я уже говорил, министерство не может управлять всеми одинаково эффективно. Управлять может, но насколько эффективно - здесь большой вопрос. Поэтому нам необходимо сделать децентрализацию принятия решений, создать советы директоров и через корпоративное управление, чтобы эксперты, люди, которые понимают и болеют за это дело могли участвовать в принятии решений. Также очень важный вопрос по поводу рыночных механизмов. С 21 года у нас будет сертификация. В законе уже это есть! Т.е. с 21 года Вузы будут выдавать, во-первых, дипломы собственного образца, т.е. здесь работодатель может сказать, извини, это всего лишь бумага формата А4, которая говорит, что ты прослушал столько-то кредитов и все. Второе: будет сертификация по регулируемым профессиям. Т.е. диплом — это не допуск к профессиям, диплом означает только то, что ты прослушал определенное количество кредитов. Вот это такие системные меры, но насколько они будут работать с 21 года, мы, конечно, надеемся на них, но тем не менее, мы считаем, что в настоящее время мы вынуждены вмешиваться с государственным регулированием.

Мы хотим разделить Вузы на 4 группы. В госпрограмме мы это написали. Сейчас, когда мы финансируем через гранты мы даем всем одинаковые гранты. Или, условно, у нас есть 2 вида грантов: есть нацвузы, которые один раз получили статус национального вуза, и он получает с коэффициентом 1,75 и есть другие Вузы, которые получают грант, условно, 340-440 тыс. тг., чего очевидно недостаточно этих средств для того, чтобы подготовить хорошего специалиста. Поэтому теперь мы делим Вузы на несколько: первые - конкурентоспособные на международном уровне, конкурентоспособные на республиканском, на региональном уровне и последние. Первые 2 категории -

для них у нас будет совершенно другая политика. Здесь презумпция доверия, т.е. наш комитет контроля туда не заходит, мы полностью и максимально даем академическую свободу первым двум эшелонам, мы говорим о том, что вы автоматически и не подавая на гранты, условно участвуете в распределении государственных грантов. И четвертое: мы говорим о том, что эти вузы будут получать грант с определённым коэффициентом, но это будет не один раз, условно мы взяли и дали какому-то вузу этот статус и все он может 5 лет не работать. При этом мы каждый год будем смотреть по определённым качественным показателям, если этот вуз показывает низкую эффективность, тогда он будет переходить в 3 или 4 дивизионы. В 4 дивизионе он будет постоянно находится под вниманием комитета по контролю, и мы будем там уже принимать достаточно жёсткие меры. Поэтому здесь у нас будет такая дифференциация.

ЕНТ - благо или нет? Ну очень много критики. Мы будем менять ЕНТ. Это можно сравнить с тем, что ежегодно сотни тысяч людей погибают под колесами машины и мы говорим, давайте мы теперь откажемся от всех машин. То же самое про ЕНТ. Как бы мы что и не говорили, ЕНТ - это определенная система, которая создает социальные лифты и дает возможность детям получать гранты. К сожалению, или к счастью, но это так. Другое дело, что есть вопросы по академической честности и по тому как проходит, по содержанию вопросов, когда мы с одной стороны обновляем программу, говорим, что нужно развивать функциональную грамотность, с другой стороны задаем ему вопросы на проверку его памяти. Поэтому здесь очевидно, мы должны менять, во-первых, это сами вопросы качественно, во-вторых, менять саму процедуру. Третье, в этом году мы проводим пилот, в следующем году переходим к электронной системе проведения ЕНТ. В-четвёртых, мы сделали четырехразовые ЕНТ. Кстати, по академической честности - это тоже такая большая проблема. Мы сейчас ввели несколько требований. Во-первых, академическая честность должна культивироваться и быть в результатах обучения; во-вторых, все научные работы - дипломные, курсовые работы, диссертации, магистерские диссертации должны проходить проверку на заимствование; в-третьих, все эти работы будут сохраняться в единой базе Национального центра государственной экспертизы. У нас какая ситуация - что греха таить, у нас существуют в определённых учебных заведениях такая система, когда одну и ту же тему, каждый год, кто-то делает вид что он это

написал. Поэтому нам необходимо решать вопросы по академической честности. Я заканчиваю! Следующее. Есть хорошие программы – «5-100» в России, есть такие программы в Германии и в Китае. И мы планируем похожую программу в Казахстане начать реализовывать с этого года и в эту программу попадут 10 вузов, тоже через конкурс. Не будет говорить министр, что вот этот, этот, этот вуз будем финансировать. Будет конкурс, будут конкретные КРІ. И по вузам. 128 Вузов - это много или мало?! Мы вопрос ставим не так. Мы говорим, что нам нужно много качественных вузов. Если вузы не обеспечивают качество, то мы вынуждены, на сегодняшний день применять какие-то инструменты принуждения и решать эти вопросы, поэтому вопрос стоит именно так! И при этом идет рост спроса на высшее образование. Если сейчас у нас в 2015 году выпускалось 136 тыс. со школ одиннадцатиклассников, в 2030 году мы планируем что-то порядка 350 тыс. Т.е. понятно, что это спрос на высшее образование. У нас и так сейчас за рубежом обучается большое количество детей и нам необходимо увеличивать ёмкость. В КазГУ на 1 студента 1,6 кв.м. Хотя по СНИПам положено 3 кв. У них ёмкость не большая, они не могут больше студентов взять. В ЕНУ обучаются в три смены. При этом перед нами стоит задача увеличивать ёмкость тех Вузов, которые являются конкурентоспособными.

По управлению, ректорам. Мы сейчас начали обучать ректоров Вузов, потому что топ-менеджмент и вообще менеджмент оставляет желать лучшего - здесь надо менять эту ситуацию. У нас в основном тичинг-университеты. Предпринимательских университетов или, наоборот, университетов, которые влияли бы на принятие решений, которые вовлекали бы местные сообщества, которые работали бы с органами принятия решений даже в регионах, у нас практически нету. Поэтому эту ситуацию нам необходимо серьезно менять! Я буквально коротко. Я вижу, что лимит своего времени я исчерпал. Дальше если будут вопросы я готов более детально на них остановиться. Спасибо!

Канат Нуров

Спасибо большое, Асхат Канатович, вы очень много сказали за короткий промежуток времени, и мы будем по мере разбора вопросов мы будем какую-то обратную связь давать. Сейчас бы я хотел подчеркнуть, что понятно, что Госпрограмма не только про образование, но и про науку. Но сегодня мы

говорим в основном про образование и прежде всего про высшее образование. Потому что, вы знаете, целью всего общего академического образования в конечном итоге является либо научно-педагогическая, либо научно-исследовательская, либо научно-техническая направленность. Поэтому сегодня мы больше говорим об этом. Про науку, если будет запрос, мы тоже проведем отдельное заседание. И хотелось бы начать вопросы с того, что хоть и понятное дело, это не самый главный вопрос касательно качества образования, но тем не менее он волнует многих в обществе: как обеспечить равный доступ к высшему образованию? Вы знаете, что сельские и городские школы по-разному готовят людей, в том числе и для ЕНТ и как распределять гранты на высшее образование, чтобы эту «утечку мозгов» минимизировать из страны. Вы знаете, что приходят российские вузы, и не только российские, и бесплатно по сути дела, предлагают обучение на другом качественном уровне и люди, по сути дела, не сдают ЕНТ. Слава богу, сегодня это им позволено, хотя это спорный вопрос – насколько это правильно, что ЕНТ идет отдельно от аттестации среднего образования и люди уезжают за рубеж. И так это главный вопрос: как обеспечить равный доступ к высшему образованию, учитывая разницу городских и сельских школ? И давайте начнем с Ельдара Советовича.

Ельдар Абдразаков

Непростой вопрос. Я сам сельскую школу закончил. И смотря сейчас на советскую систему образования, мы понимаем, что обеспечить в любом ауле уровень образования, соответствующего городскому практически невозможно. Мы должны понять, что есть районные центры, есть большие крупные узловы центры, где мы можем обеспечить - это уровень в старших классах. Мы чётко должны определить деление школы: начальная, средняя школа, старшие классы. Мы должны понимать, что школа должна решать три основные задачи: обучать, воспитывать, развивать. Готовы ли мы на уровне сельских школ обеспечить развитие талантов? Наверно будет очень сложно. Нам нужно обеспечивать такие лифты. Раньше в советское время из дальних аулов ежедневно обеспечивали транспортом в районные центры обучения. Для этого были городские центры обучения. Для нас нужно определить, потому что есть такое выражение, что таланты рассеяны равномерно, вопрос

в том, какие возможности есть и могут ли они воспользоваться этими возможностями. Определить талантливых ребят в целом на селе мы можем в пропорциональном отношении. Какие возможности мы им дадим? Наверное, это вопрос больше министерству - находить эти возможности. Необходимо обеспечение районных центров, обучение через районные центры, дифференциация школ, ну и, наверное, специализированные школы для талантливой молодежи.

Канат Нуров

А гос.гранты как предлагаете разделять?

Ельдар Абдразаков

С одной стороны, надо бы дать возможность, понимая, что сельское образование изначально отстает от базовых данных; надо бы обеспечить такой вот «буст». Но нужно понимать, что здесь вопрос такой, где не должно быть простого механического подхода. Это должно быть двухуровневое. Нас сейчас интересует потенциал ребенка. Насколько он готов учиться и развиваться. Лично я скажу, что сельские ребята заведомо больше делают - экстремайл. У меня дети проучились в США, и мы понимаем, что для них в США приходится делать экстраэффектс. Но они становятся более конкурентными в этой части. Поэтому здесь нужно понять, как измерять этот потенциал и сделать его двухуровневым.

Канат Нуров

Спасибо, Ельдар Советович. Архимед Мынбаевич, ваше мнение.

Архимед Искаков

Мне кажется, что вопрос образования в сельской местности для Казахстана стоял всегда особенно тяжело, потому что $\frac{2}{3}$ школ это малокомплектные школы в сельской местности. Но много лет назад было много хороших предложений по тому, как реформировать сельское образование. Действительно, в районных крупных узлах давным-давно были интернаты. До 4-го класса детей надо держать в аулах у семьи. Надо просто нормально организовать там работу. Туда отправляются лучшие учителя, туда

отправляются на заработную плату в три раза больше, чем в городе. Если этот ребенок показал хоть какой-то результат, то заработная плата его учителя еще больше увеличивается. У него должна быть очень серьезная мотивация, если он в ауле будет получать в месяц, грубо говоря, 1000\$, а на жительство у него уходит 100-150\$, я вас уверяю, что за 10 лет он накопит на квартиру на куда хочешь – хоть в Париже, хоть в Лондоне. И тогда будет показывать результат. Это очень трудно, но это можно сделать. В районных центрах особенно делать ничего не нужно. Там интернаты всегда уже были. Просто можно улучшить. Министерство образования сейчас сделало хорошую вещь - в ближайшие два года широкополосный интернет войдет во все крупные районные центры. И это замечательно! Трудно поднять сельское образование, но, конечно, можно. Нужны ли сельскому ребёнку, который безусловно будет отставать от городского ребёнка, поблажки, льготы или лишние гранты? Конечно, нужны! Цыплят по осени считают! У нас $\frac{2}{3}$ ребят, которые с нами учились, они выросли и учились в аулах. И показывали блестящие результаты. Не всем городским можно было за ними угнаться! Это народ, который склонен к образованию, способен к образованию, тянется к образованию, и он может при должной поддержке показать роскошный результат. Этим можно заниматься. Программы уже были придуманы.

Эндрю Вахтель

У нас была такая программа для детей из сельских мест в Кыргызстане. И могу сказать, как это работает и как это делать более или менее эффективно. Очевидно, ты не можешь мерить, когда они одиннадцатиклассники, результаты ЕНТ - это бесполезно. Они плохо будут всегда писать ЕНТ. И правильно сказал Ельдар, мы ищем потенциал, мы не ищем на этом уровне результаты. Что у нас было? Мы сделали такой конкурс для детей, они не должны были нам показать эквивалент ЕНТ, они должны были написать эссе и почему они хотели учиться у нас. По конкурсу мы дали возможность студентам приехать в Бишкек и учиться дополнительный 1 год, т.е. типа 12 класса школы. И все студенты, которые прошли этот год, где мы усиленно дали им английский язык, математику, softskill - все что они не получают в своих школах, мы дали им возможность учиться у нас. И что я бы предложил министерству - давать такие гранты на 1 год для таких людей и назначить какие-то университеты, которые могут преподавать такую программу и потом после этого уже можно смотреть результаты. Т.е. они могут написать ЕНТ или

еще что-нибудь в течении этого дополнительного года и тогда ты поймешь, кто из них на самом деле готов учиться. Потому что, когда ты смотришь на них как одиннадцатиклассников, ты просто никогда не поймешь.

Канат Нуров

Ну а теперь правильный ответ. Асылбек Базарбаевич, пожалуйста.

Асылбек Кожаметов

С одной стороны - через закон об учителях уже предполагаются меры о развитии учителей в сельской местности в первую очередь. С другой стороны, эти меры скажут свой системный эффект, если они будут правильно внедрены, но через 5, а скорее всего - через 10 лет. И на эти 5-10 лет у нас есть лаг, имеется существующий явный отрыв в качестве образования между сельской местностью и городской. Если, например, взять количество обучающихся в вузах страны, то по данным прошлого учебного года, т.е. у нас 30% получили госгранты, из них 30 человек - из сельской местности. Итого 9% сельского населения получили гранты на обучение в вузах, еще порядка 6% из сельской местности обучаются через частные вузы, итого - 15% сельского населения страны обучаются в высшем учебном заведении. Хотя живет в сельской местности 42%. Теперь представьте этот разрыв. Что будут делать эти дети? Ясно что у нас идет четкая урбанизация. Они поедут в города, но без высшего образования, что они будут делать? Работать на базарах. И вот эта масса она нарастает с каждым годом, поскольку количество молодежи увеличивается. Это вот порох, который можно поджечь в любую минуту любым правильным лозунгом. И мне кажется, что здесь нужны серьезные государственные меры для изменения ситуации. Например, лица сельской местности, поскольку они не отвечают за качество образования (отвечает государство, которое понизило качество образования в сельской местности) ... Там очень много талантливых. Как правильно было сказано, количество талантов одинаково. Я тоже из сельской местности. И тогда нам нужно предоставлять гранты на обучение не по принципу академических достижений на ЕНТ, а по принципу социальной уязвимости. Все, кто относится к социально-уязвимым слоям населения, если они сдают 50 баллов ЕНТ, они поступают в вузы автоматически. Это социальный лифт для нашей страны, который находится в такой уязвимой ситуации. Это временная может быть, но она нужна, это срочная мера. А что делать с теми, кто хорошо сдаёт? Те, у кого хорошее материальное положение

- средний бизнес, бизнес, чиновники, есть другие категории населения - они должны платить за свое обучение. Тем более, что плата за высшее образование в Казахстане одна из самых низких в мире. Для них это не будет такой болезненной оплатой за это образование. Мы резко можем повысить количество людей, которые будут обучаться, потому что те кто из благополучных семей они все равно будут учиться, потому что у нас такой приоритет высшего образования, что никто не захочет оставаться необразованным. Увеличится количество из сельской местности - мы снизим риски, и мы сделаем социальный лифт. Я убеждён, что даже те, кто плохо сдал ЕНТ - на 50 (я поступал в Вуз в КазГУ, я пришёл последним и только благодаря похвальной грамоте меня зачислили, но я получил диплом с отличием), в ауле таких людей очень много. И когда я говорю о социально-уязвимых слоях - это не только сельская местность. Очень много школ в городах, которые на отшибе, в которых такое же плохое качество образования и которые тоже не могут поступить, сдав ЕНТ на хорошие баллы. Поэтому нужны системные меры. Это касается не только самого министерства образования, это больше касается подхода Правительства и президента.

Канат Нуров

Если я правильно понял, вы хотите сказать, что гранты - это не поощрение академических достижений. Это просто поддержка малообеспеченных семей. А достижения нужны для поступления, а не для получения гранта. Пожалуйста, Асхат Канатович.

Асхат Аймагамбетов

Сегодня система образования не должна выполнять функцию сепаратора, а больше выравнивать. К сожалению, на сегодня по городским школам мы видим, что у нас проблема именно в выравнивании образования в разных школах в зависимости от географии, и даже в городах эта ситуация очень разнится. Это очень большая задача - обеспечить равный и качественный доступ к образованию. Это первое.

Второе. 42% школ уязвимых и там обучаются 7% детей и почти 20% педагогов. Один ребенок обходится от 1,5 до 2 млн. тг. Тогда как в городской школе - в среднем 230 тыс. тг. Смотря на эти цифры можно сказать, что у нас есть большое финансирование, но на самом деле там целый ворох проблем.

По последним результатам PISA (и до этого - PISA 12 года, 15 года) и ВОУД показывают, что у нас разрыв в качестве знаний между городскими и сельскими школами 1,5-2 года. Это действительно очень сложная ситуация. Но на этот разрыв между город и селом нужно смотреть осторожно. В СКО 400 - на селе и 430 - в городе. Очень большой разрыв. Но при это когда мы смотрим Кызылординскую область, где разрыв очень маленький, это не означает, что там все хорошо. Этого ворит о том, что в Кызыл-Орде качество знаний городских школьников ниже, чем даже качество знаний, которое дают сельским школьникам в СКО или в Карагандинской области. С цифрами нужно очень осторожно обращаться. Но проблема разрыва в качестве знаний есть. Там, где очень большой разрыв мы говорим, что действительно городские впереди и сельские тоже не отстают. В южных регионах или в Мангыстау мы видим, что по факту разрыв очень маленький, но на самом деле он маленький, потому что и город и село дают очень слабые качества. В чем проблемы? Первое и самое главное - это нехватка педагогов. Второе - педагоги многие ведут по пять предметов, т.е. он может быть учителем казахского, но он же ведет и физику и историю Казахстана и др. предметы. Третье - есть вопросы по квалификации педагогов, по повышению квалификации педагогов. Четвертое - особый режим работы. Там в основном совмещенные классы. Когда совмещенные классы, там, условно, 2-й и 3-й обучаются вместе или, например, 6-й, 7-й, 8-й вместе обучаются. И детей очень мало и часов очень мало. Т.е. сама система подталкивает к тому, что, фактически, когда часов очень мало, а у нас почасовая нагрузочная система, если одна ставка это 18 часов, 18 часов по английскому нету, есть только 8 часов и на эти полставки на такую низкую заработную плату никто не пойдёт. Поэтому мы эту ситуацию сейчас меняем, пересматриваем систему финансирования сельских школ.

Третье. Материально-техническая база, интернет, неравный доступ к ресурсам информации. Это мы сейчас решаем через ГЧП. Там, где проживает более 500 человек, я думаю, что к концу следующего года проблема закроется. По МТБ, мы планируем, все школы обеспечить минимум четырьмя предметными кабинетами по четырем направлениям. И действительно нам необходимо развивать интернаты. В госпрограмме мы заложили, хотя многие нас за это критикуют, в том числе строительство 112 интернатов. Потому что у нас несколько тысяч населенных пунктов, где вообще школ нету. Там мы

осуществляем подвоз двух видов: ежедневный подвоз и еженедельный. Мы пытаемся ежедневный подвоз делать, потому что важна социализация. Мы не хотим отрывать ребенка от родителей. Да, конечно, хорошо «тамағы тоқ, киімі көк» деген сияқты, но на самом деле, когда мы отрываем от родителей – это не совсем хорошо. Поэтому мы пытаемся там, где это возможно их ежедневно подвозить в интернаты и обучать; там, где невозможно - еженедельный подвоз. Но интернаты тоже нужны, и мы эти вопросы тоже заложили в госпрограмме. Здесь комплексная проблема и не только про село, но и у нас такая дифференциация есть и в городе.

Канат Нуров

И все-таки вопрос Асылбека Базарбаевича: как вы смотрите на то, чтобы давать гранты не за академические успехи, а малообеспеченным.

Асхат Аймагамбетов

Мы рассматриваем несколько видов грантов. Первый – так называемый «базовый грант», где определенные только вещи – номинал обучения и стипендия. Второй - это «социальный грант», где предоставляется общежитие в приоритетном порядке, стипендия и обучение. И третий вид гранта это – «Дарын». Это условно. Это обсуждаемая вещь. Он для одаренных детей, которые получают от 35-40, мы им автоматически будем давать условно повышенную стипендию и плюс - стажировку на академической мобильности за рубежом. Т.е. такие пакеты мы рассматриваем. У нас будет не только *married base*, но и социальный статус и уязвимые положения тоже будут учитываться.

Канат Нуров

Т.е. вы не сторонник того, чтобы гранты давать только малообеспеченным?

Асхат Аймагамбетов

Не только малообеспеченным. Нам необходимо давать и малообеспеченным, потому что они не виноваты в том, что не могут набрать большое количество баллов на ЕНТ. Неразвитая инфраструктура, возможности другие, есть неравенство. Поэтому здесь мы должны создавать определенные условия.

Канат Нуров

У Эндрю было какое-то замечание.

Эндрю Вахтель

Я просто не думаю, что вы можете давать гранты людям, которые не готовы учиться в тех вузах, где они будут получать эти гранты. Они просто провалятся. И это не лифт, когда ты приглашаешь студента, который не готов учиться там и он смотрит и ничего не понимает. Если вы хотите найти таких детей вы должны дать им что-то другое. Вы не можете просто бросать их и считать, что пусть они будут плавать с акулами. Тот факт, что господин Кожаметов был в свое время таким, мерить по себе нельзя. Есть очень много людей, которые не готовы. И нельзя просто сказать, что они из уязвимых семей, дайте им грант. Ничего хорошего здесь не получится.

Асхат Аймагамбетов

Никто автоматически давать гранты не будет, потому что есть определенные пороговые результаты обучения, какие-то минимальные требования, которые он в любом случае должен получить.

Эндрю Вахтель

Но это до такой степени минимальные, что это ничего не значит.

Асхат Аймагамбетов

Да, и без порога никто не собирается говорить, что, если ты выпускник из сельской школы и даже не умеешь читать и писать (я утрирую), мы возьмем тебя в Вуз. Об этом речи нет!

Архимед Искаков

Мне кажется если применять функции, например, ОблОНО, РайОНО, и человек точно должен приезжать в этот аул, в котором работают всего один или два педагога с пятью детьми и это человек из района должен приезжать к нему, а не учитель в район ехать и искать этого инспектора. Этот инспектор должен привезти этому учителю все методическое обеспечение этого предмета, который он ведёт. За ним ездить и учить его как составлять все эти поурочные планы и как вести уроки, наблюдать за этими детьми и когда

система сельского образования сдвинется через лет 5, я думаю, что половина сегодняшних вопросов о грантах давать малообеспеченным или совсем умным, этот вопрос сам по себе отпадёт. Я думаю если заняться серьезно поднятием школьного образования половина просто уйдут сами.

Канат Нуров

Спасибо. У нас время для второго вопроса не менее сложного. Нужно ли регулировать деятельность вузов административными методами, если есть рыночные? Только что приводился пример ликвидации университета в Шымкенте с 32000 студентами и вопрос такой: если мы можем фабрикации дипломов преследовать в уголовном порядке, зачем административными методами институционально ликвидировать целые организации? Разве это не рынок должен решать? Какие критерии должны быть ключевыми при оценивании казахстанских вузов и насколько количественные показатели оценки вузов по Квалификационным требованиям отражают качество образования. Например – количество студентов и зданий. Ну где такое есть, чтобы по количеству студентов и зданий определять качество образования?

Ельдар Абдразаков

Я большой сторонник того, чтобы государство уходило из всех сфер где присутствует рынок. Elbow pages – есть правило. Но, к сожалению, мы должны осознавать, рынок существует там, где присутствуют рыночные механизмы, и они эффективны. Их эффективность нужно оценивать и понимать. Сегодня в школьном или в вузовском образовании сказать, что есть эффективные механизмы рынка - это под большим вопросом. Я думаю сейчас администрирование каких-то перспектив надо делать. Есть такая методика в финансовых институтах, если они доказывают эффективность своей внутренней модели, то используют эту внутреннюю модель. Я думаю у нас есть порядка 15-20 вузов, которые могли бы на рыночных условиях существовать. Эндрю строит институт, который на рыночной основе мог бы работать. Но в окружении нерыночной, ему становится сложно. Поэтому здесь такой вопрос: нужно ли нашей стране 128 университетов. Есть ли у нас достаточно преподавательского, педагогического, научного потенциала его обеспечить? Я, занимаясь темой конкурентоспособности, скажу у нас нету

этой потребности. Потребности в этих университетах под бизнес нет. Может мы все-таки немного отойдем и будем смотреть, где есть потребность. Потому что большой вопрос. Вузы какие-то, наверно, нужны, но чем дальше мы уходим, тем потребности в выпускниках пропадает. Может зададимся вопросом, когда будет рыночная потребность?

Канат Нуров

Но можно ли судить качество вузов по количеству студентов и зданий? Они ведь основные в квалификационных требованиях.

Ельдар Абдразаков

Я не хотел уходить в долгую, но я думаю надо. Когда мы оцениваем систему образования, нам нужно немного глубже опуститься, потому что сегодня мы понимаем, есть система и ее надо более эффективно администрировать. Начало должно пойти от министерства и построить те рыночные механизмы, когда эффективность появится. Но вопрос другой. Какую систему образования мы ставим? Как стоит идеология? Нашей системой идеологии советской школы было первое: обеспечить ликбез; вторая вещь, она началась после второй мировой войны, это непосредственно индустриализация, вопрос дифференциации талантов. Лично я считаю, что в 50-х заложили ее основу и она пошла. Сегодня другая большая идеологическая основа. Нет проблем со знаниями для молодежи. Мы сегодня его изучаем, каждый день работаем - вопросы организации процессов, машинного обучения и пр. У нас все больше и больше разделяется люди больше 10% программисты и 90% пользователи. И эта дифференциация все больше будет развиваться. На сегодня большая потребность, чтобы школы и вузы готовили ребят самообучающихся. Вот эта большая идеологическая платформа и отсюда нужно двигаться.

Архимед Искаков

Я не совсем компетентен в области высшего образования. Я убежден, что для таких развивающихся стран как Казахстан задача номер один в образовании это не вузовское, а школьное образование, среднее образование. Но я с осторожностью отношусь к тому, чтобы что-то закрывать. Закрывать нужно в вопиющих случаях. По фундаментальным дисциплинам в советское время вы

все хорошо знали, что вот эта школа готовит на МГУ, эта школа в Бауманку, эта – в МИСИ, МИФИ, Новосибирский университет и все родители об этом знали и отдавали именно в эти школы. На ряду с такими монстрами как МГУ, ФизТех, МИФИ и Бауманка всегда существовали вузы, про которые мы никогда ничего не слышали, какой-нибудь Челябинский Политех, Магнитогорский ткацкий институт какой-нибудь, но они как-то влачили свое существование, и я не думаю, что их выпускники запросто устроились на работу или могли запросто достигнуть высоких вершин. Это были такие полу халявные вузы. И человек, который закончил этот Вуз, он никогда не гордился, в отличие от выпускника МГУ. Поэтому я с осторожностью относился бы к закрытию, но я тоже не думаю, что такая безумная надобность в высшем образовании в Республике есть. Я думаю, что народ идет в высшие учебные заведения по безысходности - нет работы, некуда идти больше. «Вот есть время устроить свою судьбу - пойду в Вуз».

Эндрю Вахтель

Я приезжаю сюда из страны, где все сделано на рынке. В Штатах мы уже видим, что с появлением университетов for a profit, т.е. те, которые хотят делать деньги от высшего образования, наша система просто разваливается. Т.е. мы ожидали, что рыночная экономика — это ответ на все вопросы, но это очевидно не так. Но я думаю здесь мы начинаем с неправильного конца. Министр задает вопрос сколько нам нужно людей, а мы должны начать с вопроса, а сколько мы можем себе позволить? Т.е. на сколько людей у нас реально есть деньги, скольким людям мы можем давать на государственные деньги нормальное образование. Если мы будем смотреть с этого конца, мы поймем, что 60 000 грантов, которые даются сейчас ежегодно это просто абсурд. Не потому что нет людей, которые могут освоить эти гранты, не потому что они не должны учиться, потому что за такие деньги, которые мы можем давать за эти гранты никто не может давать образования. Но из-за того, что все получают эти гранты, они живут от этих грантов и поэтому рыночный механизм не работает. Если б было 15 тыс. грантов и если бы была нормальная система аккредитации, где на самом деле Министерство могло бы быть уверено, что те вузы, которые получают грантников, на самом деле, дают им настоящее образование, то не надо будет ничего закрывать, они закроются сами. Если они не будут получать эти 45 тыс. людей, которые ничего не могут, и они не могут обеспечить их нормальным образованием, именно тогда

рыночные механизмы будут работать. А пока, почти каждый дышащий человек получает грант, тогда рыночные механизмы не могут работать ни в коем случае. И потому надо делать различные административные меры, карательные меры, закрывать. А лучше просто, чтобы эти вузы спокойно умерли своей смертью. Они будут делать, если будут нормальные рыночные механизмы, просто их нет пока в этой стране.

Асылбек Кожаметов

Дайте, пожалуйста, слайд. Я рад, что идут такие жаркие дебаты, но мне кажется, что люди просто не ориентируются в ситуации, а говорят эмоционально. Первое - я хотел бы показать мифы, которые существуют в Казахстане и в ваших головах, и по которым вы ориентируетесь, принимая решения – качественное образование или не качественное, нужно больше вузов или меньше. Есть миф, что в Казахстане большое количество студентов. Это миф, это ложь. В Казахстане маленькое количество студентов. У нас меньше чем в США в 2 раза по количеству на 1 млн. населения; у нас меньше, чем во Франции на 30%, меньше чем в Малайзии на 30%. У нас примерно столько же, сколько в России, поэтому, когда говорят много студентов, нужно меньше студентов, то это а) неправильный подход, и вдвойне не правильный, если мы хотим войти в лучшие 30 стран. А если учитывать ситуацию, в которой мы находимся, с точки зрения социальной, а она же усиливается, как мы видим особенно в последние годы, нам нужно наоборот через вузовскую систему а) поднять тех, кого можно поднять, тех кого нельзя поднять, попытаться предложить и немного успокоить ситуацию.

Второе. Говорят, в Казахстане слишком большое количество вузов. Это тоже миф. В Казахстане на 1 млн. населения приходится 7 Вузов. В США - 13 - в два раза больше, во Франции - 9 на 25% больше, в Малайзии - 16 это в 220%, в России - 8. То есть у нас малое количество вузов. И речь не идёт о том, что если мы сейчас закроем в два раза больше вузов, то качество улучшится. Я хочу, чтобы задачи ставились правильно. Нам нужно качество образования, но не говорить, что, если будет меньше вузов, будет столько же. На мой взгляд низкое качество образования не только в частных вузах, а в государственных, в первую очередь. А там учиться больше всего людей -10, 20, 30 тыс. Нужно начинать именно с этого вопроса. Иногда смешиваются понятия, когда

говорят, закрываем такие вузы как шымкентский. Я только за, но по другой причине, не потому что плохое качество, а потому что это просто мошенничество. С мошенниками надо этими методами и работать. А некачественные вузы, но не мошенники, они должны быть на рынке и на рынке они должны выживать. Бизнес должен решать все своими голосами, своими рабочими местами или партнерством: кого они поддерживают, кого нет. С одной стороны, я бы хотел, чтобы бизнес не просто говорил: «Вот, нам дают неправильных студентов». Бизнес должен понимать, плохие выпускники — это проблема бизнеса, а не только вуза. Это проблема бизнеса. Приходите. Давайте вместе. Давайте работать. Давайте садиться и вместе идти вперед. Иногда говорят: «А вузы плохие». Нельзя привезти американский вуз в Казахстан. Мы будем работать с этими вузами и только нужно их развивать. И я рад, что здесь я услышал про конкуренцию. Поэтому нам нужны: качество образования. Оно в рыночной экономике достигается только рыночными методами. Конечно, в основе должна быть правильная система, но на нее налагается в рыночной экономике рыночная конкуренция. Если у нас будут конкурентоспособны на международном рынке и отдельные правила... Потому что, когда становятся государственные стандарты, они до сих пор есть в некоторых вещах, то государственные стандарты для плохих вузов несомненно нужны, потому что оттуда путь к жульничеству. А когда ты хороший вуз, тебе нужно конкурировать с западными вузами, у которых нет стандартов. Обычно я говорю, нас заставляют бежать в кандалах государственных стандартов, а американцы бегут в кроссовках. А потом говорят, что у вас плохие вузы. Нет! Дайте нам правильные условия, дайте нам финансирование на конкурентной основе, то все можно наладить.

Насколько я помню, Министерство повышает гранты чуть ли не в 2,5 раза это уже шаг в правильном направлении. Конкурентоспособность на государственном национальном, международном уровне - это шаги в правильном направлении. Другое дело, что мы хотим, чтобы не путали плохое качество и мошенничество. Надо не закрывать вуз, а посадить всех тех, кто работал в этом вузе и тогда повядно не будет. И с другой стороны - сейчас сделали правильный шаг, создав некоммерческие национальные вузы. И это правильно, но не только для них. Все частные вузы должны быть некоммерческими. Тогда дельцы от образования уйдут, теперь там ловить нечего. Останутся те, кто будет развивать само образование. Некоммерческое

означает, что у него есть прибыль, но он ее вкладывает снова в образование, потому что тот уровень финансирования, на котором находимся мы (8000\$), мы не можем по качеству образования конкурировать с Малазией (13000\$), с Францией (55000\$), с США (49000\$). Сегодня нам нужно повысить финансирование образования, но не только через государственное финансирование. Бизнес должен прийти в вузы. Спасение утопающих дело рук самих утопающих.

Канат Нуров

Асылбек Базарбаевич, вопрос по поводу количества студентов и зданий. Считаете ли вы, что их можно включать в квалификационные требования по оценке вузов?

Асылбек Кожаметов

Это неправильный подход. Т.е. качество образования в первую очередь должны мерить бизнес, потребители. Поэтому количественные параметры они все неправильные. Но как я слышу, мы надеемся, это будет отменяться и это касается не только количественных параметров, но и педагогов. У нас есть понятие процент остепененности, у нас есть соотношение количество студентов на педагогов, так сказать, было 8, стало 12, говорят, что будет 16, но, если, допустим, взять Запад 20-30 студентов на одного педагога. А нам говорят, что нужно меньше. Через автономность я надеюсь эти механизмы к нам придут. Поэтому мы ждем этой автономности, чтобы она была четко сделана, как это имеется сегодня в государственной программе развития образования 20-25.

Асхат Аймагамбетов

Вопрос такой: надо ли, чтобы рынок регулировал или государство регулировало. Моя личная позиция – я верю, что рынок должен все отрегулировать, но при этом личные убеждения они вступают в конфликт с тем, что мы на сегодняшний день видим. И поэтому мы вынуждены принимать меры не очень популярные. Я не думаю, что какой-то министр сам принимал

бы решения закрывать Вузы, от этого ни один политический служащий симпатий не завоевывает. Но при этом ты понимаешь, что это нужное дело. Мы сказали, что закрываем шымкентский вуз, но при этом практически ни один человек не ушёл. Мы судимся с несколькими вузами. Зная, что мы приостановили их работу, зная, что они всё-таки закроются, потому что нарушения серьезные, но при этом практически ни один человек не уходит. Мы спрашиваем: «Почему?» « - А нам во-первых, дёшево, платим всего 100-150 тыс. тг. и нам нужно получить только диплом.» Поэтому они сидят до последнего. Теперь касательно качественных показателей. Мы убираем количественные вещи. Мы убираем сколько должно быть корпусов, какое количество людей должно быть. Мы так же убираем показатель, когда у вуза должно быть определенное количество преподавателей, скажем так 80% у вас должно быть штатных преподавателей. Это приводит к тому, что, условно, хотят с рынка айтишника привлечь, а он говорит, я не хочу, чтобы это было мое основное место работы. Он его привлечь не может, потому что у него лимит только 20. Мы этот процент значительно убираем, процент остепененности тоже. Мы знаем, что процент остепененности по стране априори гораздо ниже, как мы можем ставить этот процент высоким! Опять же 1 к 16 или 1 к 8. До этого в законе было 1 к 8. Первый шаг мы сделали - 1 к 12 и посмотрели, что будет. И ничего такого страшного не произошло, поэтому мы сейчас здесь идем навстречу рекомендациям наших вузов. Последнее, что хотел сказать. Эти 640 тыс. - это контингент наших вузов, из них только порядка 200 тыс. это те кто обучается на гранте. Те же самые вузы, которые мы собираемся закрывать или принимаем по отношению к ним меры, там нет ни одного грантника. Они нормально живут и без грантов. Тезис о том, что, не давая гранты, они все умрут, в реальности же они все живут очень хорошо и собираются дальше везти свою деятельность. Здесь очевидно, что мы должны принимать меры. У нас несколько лет назад было 30 тыс. грантов, сейчас 56 тыс. Нам говорили: уменьшите количество грантов и увеличьте финансирование. Но мы видим, что в этом году у нас выпускаются более 150 тыс. выпускников. И если определенное количество пойдет в колледжи, то определенное - в вузы. При этом, если мы уменьшим гранты, мы увидим, что те ребята они просто пересекут границу и будут получать гранты других государств. И сейчас мы видим, что количество ребят, которые переезжают в другие страны получать гранты без всяких бюрократических проволочек, очень сильно растет. Поэтому мы считаем, что уменьшать количество грантов

не нужно, но при этом мы в несколько раз увеличиваем стоимость, потому что за 340 тыс. тг обучить специалиста в вузе по факту, очевидно, невозможно. Поэтому мы заложили это в государственной программе. Руководство страны поддержало, и мы эту сумму будем увеличивать. Очевидно, что нам необходимо обеспечивать качество, поэтому здесь не все так однозначно.

Канат Нуров

Вы сказали, что все стремятся получить корочку любой ценой, есть ли у нас в стране какие-либо факторы, которые подталкивает людей к этому? Возможно запрещено занимать высокую должность без высшего образования? Может приравнять занятия в колледжах к незаконченному высшему образованию или к базовому? В вуз иди если хочешь наукой заниматься. Иди занимай руководящую должность без вуза.

Асхат Аймагамбетов

Второй год «Атамекен» проводит с нами рейтинги. Они ежегодно публикуют десятки вузов с дипломами, которых вас на работу брать не будут. Месседжи эти направляются в общество, но мы видим, что количество абитуриентов, желающих поступить в эти, называемые «Атамекеном» «некачественные» вузы, не уменьшается. Потому что главное - получить диплом. Поэтому в следующем году, когда этот диплом не будет давать гарантию со стороны государства, это будет просто бумага о том, что ты прослушал в данном вузе столько-то кредитов. Мы надеемся, что это даст сигнал для рынка, чтобы он мог говорить: «Я этот вуз не знаю, я знаю, что репутация этого вуза не очень хорошая, программы не аккредитованы и я тебя на работу не возьму».

Второе - это сертификация. То, о чем я говорил. Когда мы будем сертифицировать по регулируемым профессиям и брать на работу через эту систему сертификации, я думаю, что это будет тоже один из современных рыночных механизмов для того чтобы регулировать эту систему. Пока мы вынуждены принимать не самые популярные меры.

Канат Нуров

Третий вопрос. Согласно Государственной программе «будет проводиться регулярная оценка влияния результатов научных исследований на социально-экономическое развитие страны», но как это будет делаться и какие показатели эффекта от НИОКР будут использоваться?

Ельдар Абдразаков

В целом это проблема для всей страны, где мы видим эффективность от каких-то наших акций и действий и связь с результатом. НИОКР вообще тёмная сторона не только в Казахстане, но и во всём мире. Где связать расходы на НИОКР и результаты, которые получаем. Здесь конечно желание понятно, но дьявол в деталях и здесь надо отрабатывать. Это очень темная территория и из-за этого у нас и наука не развивается. С одной стороны, вроде учёные есть, ассигнований на науку нет, но с другой стороны и особо стоящих работ нету. Конечно, очень больной вопрос, нужно внимательно относиться и разбираться. Сложно понять эту метрику, потому что любые вещи можно менять, если можно измерять, но пока непонятно, что мы можем измерять.

Архимед Искаков

Этот вопрос из нашего не далёкого советского прошлого. Он такой демагогический, формальный. Я никогда не слышал, чтобы деятельность группы выдающихся математиков Франции Николя Бурбаки или профессоров стэнфордского, колумбийского, оксфордского или кембриджского университета круто сдвинули социально-экономический ситуацию в стране. Так не бывает. Мне кажется, это придумано не профессионалом, а просто чиновником, который хотел что-либо зафиксировать, чтобы они за что-то отвечали, чтобы ему поставить галочку. Демагогический вопрос. Не надо на него отвечать.

Канат Нуров

Я думаю, этот вопрос не случаен. Потому что, когда мы хотим напрямую увязать с потребностями экономики результаты высшего образования, это нонсенс. Потому что у науки свои закономерности развития и потребности. Я

не думаю, что поэт, когда пишет поэму, он думает какое это влияние окажет на общественность. Примерно также и с наукой, и с образованием. У них есть огромное количество отраслей, которых возможно у нас в стране нет, но есть люди, которые этим интересуются. И это нужно только поощрять. Спасибо большое!

Эндрю Вахтель

Надо понимать, что исследования - это лотерея. Ты даешь деньги, но не знаешь, что от этого ты получишь. Если ты даешь достаточно денег, и достаточно свободы, то ты будешь что-то получать. В основном и в общем, ты можешь сказать, что я ожидаю от всех денег, которые мы выделяем на исследования, мы что-нибудь получим. Но в каком-то конкретном случае, конечно, это сказать невозможно. Я работал консультантом для проекта 5-100 в России. Там дают достаточно большие деньги на исследовательские проекты, но даже там они ожидают какие-то результаты в виде X количества хороших опубликованных работ, но в каком-то плане, что из какого-то вуза это будет влиять на экономику они ожидают. Они ожидают, что общий вектор будет позитивный. Если они увидят, что эти деньги просто тратятся и исчезают и ничего не получается, конечно, надо пересмотреть то, на что ты даешь. Но нельзя начать с того, что мы будем рассматривать твой проект и думать о влиянии его на общество. Мы этого просто не можем!

Асылбек Кожаметов

Нам нужно уйти от положения, что мы можем развивать международную науку или выходить на передовой уровень. Не бывает национальной науки, как и нет национальной таблицы умножения. Наука либо мировая, либо её нет! Нужны ли нам исследовательские университеты? Конечно, нужны! Нужны ли нам 120? Нет, не нужно! Нам нужно 5, или возможно 10. Нужно обильное финансирование с теми рисками, с теми возможностями и проблемами. Но нужно взять программу и из года в год 5-10 лет подряд обильно её финансировать. И тогда мы увидим результаты. Но когда мы говорим про науку, мне кажется, у нас есть текущие более эффективные и нужные задачи, чем наука. Существующие вузы делятся на три типа. Первые: это teaching universities - это просто преподающие университеты. Там происходит

трансляция знаний. Вторые - исследовательские вузы, где делается наука. Например, Назарбаев университет – несомненно исследовательский университет. Есть науки, но мы знаем какое финансирование там и сколько тогда мы можем удержать на этом уровне. Третьи - предпринимательские университеты. Те, которые делают импакт на развитие экономики, на развитие общества. Нам нужны такие университеты. Исследовательских будет достаточно 5-10, а предпринимательским может быть каждый второй. Но для этого он должен сказать, что я меняю фокус, я работаю на развитие бизнеса и коммерциализации. Когда говорят про инновации почему-то все сразу думают про Стива Джобса и сотовый телефон. Чтобы сделать телефон по Стиву Джобсу нужны инвестиции, которых в Казахстане не дают. Но мы вполне могли бы сделать то, что сделала американка Джой Мангано. Она из простой швабры сделала самовыжимающуюся швабру. Она стала миллионером. У нас поле пространства для такого рода инноваций. Мы – Казахстан - нуждаемся в такого рода подходов. Предпринимательское мышление и образование нам нужно развивать. Нужно поменять фокус развития образования на предпринимательство.

Канат Нуров

Вы, когда говорите о предпринимательском вузе это будет что-то отличное от научно-технического? Т.е. они не только исследуют, но и внедряют импакт эффект на общество? Или вы большее значение придаете предпринимательскому вузу нежели «научно-техническая функция».

Асылбек Кожаметов

Я должен был сделать пояснение. Предпринимательство это не про тех, кто работает в бизнесе. Это любой человек должен быть предпринимателем. На своем рабочем месте он должен думать больше инициативой. Он не должен думать «Мне дали столько-то денег, я вот это сделал и все - до свидания». Таких людей у нас достаточно. Когда говорят, как сделать университет предпринимательскими, очень просто. Студенты у нас уже предприниматели. Но у нас проблема с преподавателями и с менеджментом. Как можно научить предпринимательству студентам если сами профессора не работают в бизнесе

и не понимают, что такое предпринимательство и не собираются это делать. Поэтому начинается с менеджмента, потом преподаватели, а потом уже студенты. Студенты готовы быть предпринимателями, они могут быть ими и в педагогике, открывать новые формы, новые школы открывать, двигаться по-другому. Конечно, где предпринимательство там коммерция, но цель предпринимательства это новые инновационный подходы, которые дают лучшее качество жизни.

Канат Нуров

Ельдар Советович, у вас была реплика?

Ельдар Абдразаков

Я хотел бы сказать от практиков. Нельзя каждого сделать предпринимателем. У предпринимателя сложившийся темперамент, склонности, таланты внутренние. Хотелось бы чтобы наши вузы HR-технологий немного набрали. Нужно понимать, что сегодня если мы выявим возможность развития тогда начинаем развивать. Но по большому счету его нужно подобрать. Подобрать склонность, потенциал, талант. Мне бы хотелось, чтобы вузы наши тоже в эту сторону пошли и чуть-чуть больше HR-технологий набрали. Вы пытаетесь каждую кухарку сделать менеджером. Невозможно это! У нас политическая составляющая системы образования чрезмерно большая.

Асылбек Кожаметов

Хочу сказать сразу, что я согласен насчет политической составляющей. Но я не говорил, что каждого сделаем. В среднем говорят, что 1 из 10 может быть предпринимателем. А сколько реально - никто не знает. Мы бы хотели, чтоб 20% выпускников нашего вуза стали предпринимателями. Не 100%, только 20%. Но мы не знаем какие 20, поэтому мы хотим попробовать всех на 1-м и 2-м курсе. И те, кто проявит себя, рискнет, откроет предприятие. Если не получится, он поймёт, что это не его, но он узнал, что такое предпринимательство.

Канат Нуров

Теперь правильный ответ от первоисточника, действительно, что имелось ввиду в Госпрограмме.

Асхат Аймагамбетов

Я хотел бы согласиться с тезисом Асылбека Базарбаевича, что необязательно воспринимать науку, что это обязательно какие-то глобальные мировые открытия. Необязательно каждый научный сотрудник должен делать каждый день глобальные открытия. Конечно, и такой вклад должен быть, но, когда мы приземляем какие-то уже открытые инновации на нашу почву, для этого тоже требуется наука. Трансфер технологий, о которых мы говорим тоже требует участия научных сотрудников. Поэтому в данном случае вклад науки может быть и в этих механизмах. Теперь что касается измерения импакта науки социально-экономическом развитии. Существует очень много различного рода оцениваний: индекс инновационности экономики, индекс научного потенциала развития экономики, индекс вклада науки в экономику страны и очень много международных авторитетных исследований и рейтингов, здесь и процент коммерциализации, инновационного вклада в экономику, все это можно рассчитать. Сейчас очень много дискуссий по поводу наукометрии, особенно в последнее время мы видим это в той же самой соседней России. Там очень много спорят о том, как оценивать институты или по тем же программам вузы; насколько надо следовать индексам Хирша и прочее; и по ним давать оценку. И здесь говорится о том, что надо дифференцированно подходить, гуманитарные науки оценивать по-другому и т.д. Все это так, но при этом, к сожалению, других более или менее объективных показателей нету. Но мы не говорим, что все направления науки должны оцениваться одинаково, потому что в естественных науках гораздо проще опубликовать статью в Скопусе, в ЭплСаинс или получить определенный индекс Хирша и т.д., но в гуманитарных науках это несколько сложнее. И мы в своих правилах это все дифференцируем.

Финансирование науки. 0,12% от ВВП. Одной из самых низких, даже если сравнивать соседние страны. И эти 0,12% это не только вклад бюджета, но это если и учитывать вклад частного сектора. И требовать, выделяя 0,12%, открытий, большого вклада очень сложно. В государственной программе мы говорим, что нужно увеличивать часть прикладных исследований и вклад частного сектора и, вообще, увеличивать вклад бюджетного финансирования

науки. Когда мы говорим о науке, возникают споры развивать ли нам только фундаменталку или же, условно, прикладные. Сегодня при финансировании у нас есть три механизма: базовое, грантовое и программно-целевое. Грантовое направлено на исследования и поддержку фундаментальной науки. Например, девушка исследует Амазонку, а завтра она может исследовать реку Сырдарья. Мы даем, потому что это помощь поддержка научных исследований. Это базовое финансирование, при этом у нас есть ПЦФ, когда мы должны давать на конкретные задачи прикладных исследований. Но на ПЦФ мы говорили так: вот сельское хозяйство – огромная тема, и давали туда, условно, 10 млрд тг. И тут ученый каждый (он исследует, условно, какую-то отдельную тему) – он туда забирает деньги, другой – туда, третий – еще и т.д. И в итоге результатов нет. Поэтому сегодня мы говорим о том, что мы по ПЦФ будем давать деньги на конкретные государственные задачи. Мы будем говорить: «Вот вам 40 млн, ученые. Дайте нам сорт пшеницы, который дает, условно, 50 центнеров с гектара, который устойчив к таким-то климатическим условиям и т.д. И здесь уже не будет размываться сама тематика. Здесь уже будет соревнование идей, методологий, принципов, подходов, насколько у тебя есть ученые, насколько у тебя есть возможности решить эту задачу. Т.е. здесь сама система финансирования науки в настоящее время претерпевает определенные условия. Мы можем сегодня и 2% давать, но, если у нас не выстроена система управления науки и ее финансирования, эти деньги могут не дать нужного результата. Поэтому с одной стороны – это, конечно, увеличение финансирования; второе – изменение системы финансирования и управления; третье – воспроизводство кадров. Если у нас в 90-м году было более 50 тыс. научных работников, сегодня – 22 тыс. При этом количество, когда мы считаем на 1 млн, ситуация не очень хорошая. А научные сотрудники – это те, кто делает инновации, это и есть человеческий капитал. Поэтому здесь вопрос стоит воспроизводства научных кадров. Если говорить о докторах наук и кандидатов наук, понятно, что их количество сейчас очень сильно уменьшается, но мы не успеваем воспроизводить нужное количество научных кадров – PhD или доктора по профилю. Поэтому для нас сейчас это одна из самых осязаемых тем, и мы большое внимание уделяем в том числе развитию кадрового потенциала страны.

Канат Нуров

Коллеги, я хочу объединить 4-й и 5-й вопросы, потому что еще нужно время для вопросов из зала. И вопрос звучит буквально так: Согласно Государственной программе «к 2022 году 100% будут обновлены программы подготовки педагогических кадров в соответствии с профессиональным стандартом». Что включает в себя этот стандарт и что должен включать? Достаточно ли повышения оплаты труда и повышения квалификации педагогов для повышения качества школьного образования? Если нет, то как повысить качество образования в Казахстане и модернизировать его содержание в нынешних условиях глобализации и информационного общества.

Ельдар Абдразаков

Мы четко понимаем, как улучшить ту систему, которая есть. Одной зарплатой – мало. Нас очень сильно беспокоит неконтролируемое сельское образование. Сегодня, чем дальше от центра, тем больше теряется уровень управления. На самом деле, я думаю, что нужно подключать самих родителей и местные исполнительные органы. Из центра надо поставить методологическую работу – вопросы измерения, подходов, институты для развития талантов, но без подключения на местах... Вот мне приходится по регионам ездить и видеть, что там происходит. К сожалению, ситуация плачевная. Это и уровень культуры, и уровень организации местной власти. Поэтому, наверно, больше полномочий спускать. Есть такой английский термин – empowerment. Его надо спускать вниз, как решение, которое мы смотрим в управлении качеством на производстве. Но и отдавать ответственность за эту часть и посмотреть, как можно подкреплять. Я как-то не вижу легкого решения в этом вопросе.

Архимед Искаков

Я задану только два аспекта этих вопросов – 4-го и 5-го. 4-й вопрос, как мне кажется, на прямую связан с содержанием образования. Нас самим нужно четко и ясно определиться какого ученика мы хотим видеть на выходе из школы. Исходя из этого мы должны строить систему финансирования и систему подготовки кадров, из того, чему учить. Нельзя всему всех учить безумному количеству предметов. За последние 20 лет в школах 14 штук предметов, которые, на мой взгляд, никакого отношения ни к образованию, ни к воспитанию, ни к развитию ребенка не имеют. Например, это начальная военная подготовка. Слава богу, в последние годы убрали валеологию. Убрали

бухучет с 4 класса, убрали ОБЖ, убрали технологии. Это хорошо - я бы хотел своего ребенка научить табуретку сделать или поменять розетку, но это ужасно дорогостоящая вещь. Сопутствующие материалы, станки – это очень дорого. Нужно убрать совершенно ненужные предметы из школы, в том числе экономику в том виде, в котором ее преподают. Надо перестать заниматься ерундой вроде «системы раннего развития», «ментальной арифметики». Скажите мне, пожалуйста, какой может быть кроме ментальной арифметики? Она что, эротическая может быть, что ли? Другой она не может быть. Это просто морочание головы. Теперь другой вопрос. 2022 год вроде бы далеко, но у нас сейчас ситуация не критическая, а, на мой взгляд, катастрофическая. У нас в 1000 школ не ведется тот, другой, третий, четвертый предмет. Мы уже 40 лет говорим, что последние 40 лет в школах Алматы работало 6 серьезных физиков. Иных уж нет, а те далече. 5 хороших математиков. 20 лет назад считалось, что по русскому языку запросто найдем учителей. Вот этого выгоним, другого возьмем. По истории возьмем другого. Никакого ни за какие деньги не возьмете. Ситуация просто ужасающая. Асхат Канатович, мы все считаем хорошо, в этом году ожидаем 150 тыс. выпускников школ. Я считаю, как и вы, умножаем на 11 (классов) – чуть больше полутора миллионов. Делим на 18 (млн. населения) – сколько нас есть. Умножаем на 100%. Количество детей получается меньше 9%. Это катастрофа. Конкретно частные школы... Вот я думаю, что одна из важнейших функций государства – это дать образование ребенку и оно обязано кабаньно финансировать каждого ребенка, потому что бюджет страны формируется из подушевого состояния. И это независимо – для частного или гособразования. Государство обязано профинансировать. Частное образование никогда не может быть конкурентом государственного образования - мы всего 2 или 3% занимаем. Но частное образование – это возможность сохранить лучшие традиции, лучшие школы, лучших педагогов, лучшие тренды, мировой опыт, местный опыт, методики, развитие учебников и т.д. Это то, что государство спокойно могло бы сбросить на нас. На сегодняшний день Министерство делает очень хорошую вещь – государственно-частное партнерство, но выдает туда всего 15 или 20% максимум того, что следовало бы в образование отдавать. Это совсем крохи. Но даже эти крохи... Министерство сделало правильно, потому что даже осенью финансирование шло через акиматы - хочу дам, хочу не дам, попросит дам, выпрошу. С января этого года вроде Министерство это делает напрямую через свое управление без всяких акиматов. Это хорошая идея, правильная,

всячески поддерживаю. Но, во-первых, нужно увеличить финансирование до разумного. Тщательно скрываемый государством норматив образования мы все хорошо считаем. Для гособразования он был около 3500\$ в год. Гособразование, которое всего 4 урока и все – до свидания, иди домой, без завтрака даже. Поэтому нужно вернуться к этому и тут же сделать поправки в законодательстве. Мы боимся брать вашу помощь, я боюсь брать вашу помощь, хотя она позарез нужна – нам через полгода будет невозможно конкурировать с государственными школами, потому что в государственной школе у этого, так называемого, учителя заработная плата будет несопоставима с той, которая в моей школе. Я понятно объяснил? Тогда он точно уйдет от меня. Кто будет в выигрыше? Будут в выигрыше огромные школы вроде Алгабаса, Бакая, Шанырака на 2000-2500 человек, где выделяют большое количество денег. Но есть законодательство: нельзя все деньги отправить на увеличение заработной платы. Не освоить тоже нельзя. Я тогда хорошо понимаю, что будут делать мои коллеги. Они будут внутри школы изгаляться. И у нас в этих школах будут ступени гранитовые, поручни хромированные, унитазаы будут чуть ли не хрустальные, паркетны роскошные, но это – не школа, это не образование. Я думаю, что через 5 лет я не смогу доказать ни одному чиновнику, который придет проверять куда я дел государственные деньги, что я с этой статьи перебросил на эту статью, компьютеры купил у этой фирмы, а не у этой, вместо этой интерактивной доски малоэффективной, я купил плиту для столовой и т.д. Я думаю, это нужно законодательно поменять. Самый больной вопрос. Я последнее скажу. Флагман нашего педагогического образования - Алматинский государственный университет имени Абая, факультет методики и преподавания в начальной школе (начальная школа, возможно, самое важное) их кафедра выпускает в год 9 человек. А что делать с 7,5 тыс. казахстанских школ? Вы за сколько лет собираетесь наполнить мне, чтоб я из кого-то выбирал. Я не по какому предмету учителя подобрать не могу. Я с большим трудом сохраняю тех блестящих или приличных, которые у меня есть. Но я не могу похвастаться каждым своим вторым учителем. Вранье! Поэтому я хотел бы точно знать какая это будет программа, какое будет финансирование, какое будет законодательство. Я про это пока ничего не знаю, но у меня есть предложения!

Канат Нуров

А есть какие-то запреты на то, чтобы брать себе в учителя человека из вуза, но без педагогической специализации?

Архимед Искаков

Сколько угодно! Да. Даже в начальное звено, в первый класс, мы не имеем право брать воспитателем достойного человека без педагогического диплома.

Канат Нуров

Т.е. при такой нехватки педагогических кадров мы не можем нанимать людей не из педвузов? Это же нонсенс.

Архимед Искаков

Да. У нас огромная нехватка учителей. Я же говорю в тысячах школ нет предмета. Так и будет висеть вакансия целый год.

Эндрю Вахтель

На эту тему я ничего не могу сказать.

Асылбек Кожаметов

Все вопросы надо рассматривать системно. Образование — это часть общеполитического режима, общей системы управления. Поэтому есть вопросы, связанные с общей системой и Министерство образования только заложник этого. Сейчас был принят хороший закон о педагогах и там говорится об освобождении преподавателей от несвойственных им функций. Мы ждем точного исполнения этого закона. Это хороший шаг в нужном направлении. С другой стороны хороших педагогов мы можем иметь сколько угодно, но, если там плохой директор, люди уйдут, люди не будут работать. Нужно развитие потенциала педагогов через правильных менеджеров и директоров. Поэтому директоров нужно четко учить менеджменту, но ежегодно и эффективно, а не раз в пятилетку.

По зарплате. Было объявлено президентом в 2 раза увеличить зарплату: в год 2 раза по 25%. Хорошая цифра, но абсолютно недостаточная. В нормальных

странах, например, в Финляндии, даже в России, говорят зарплата педагогам должна быть не меньше, чем средняя по бизнесу. Все! И каждый губернатор отвечает за то, чтобы зарплата такая и была. Но и этого недостаточно. Нам нужно, чтобы пришли лучшие кадры. Для этого лучшие кадры должны пойти в педвузы, для этого в вузах должна быть условная стипендия 100-150 тыс. тг в месяц. Туда тогда сразу пойдёт конкурс, придут лучшие кадры. Теперь система педагогической переподготовки должна измениться, должна тоже заняться менеджментом и должна двинуться вперед.

И последнее, но не то чтобы не самая главная. Last but not least. Проблема школы — это не проблема школы, это проблема семьи. Если родители говорят, вот мы отдаем вам в школу детей, и вы с них что-нибудь сделайте - все забудьте. Я считаю, что в воспитании $\frac{3}{4}$ приходится на родителей, а не на школу, в образовании – может быть, половина. Сама семья должна быть образованной, а не просто сваливать свою проблему на государство. Семья должна заботиться, должна правильно выбирать школу, должна помогать детям дома, должна давать целостные установки нынешнего государства. И кроме того, школы не должны быть сами по себе. Школы отдают детей в Вузы или в колледжи. Но между ними нету связки. Нет связки «школы - колледжи», «школы - вузы». Они как бы на разных берегах, не соединенные переходами. Это системный вопрос, который требует своего разрешения.

Канат Нуров

Архимед Мынбаевич, у вас реплика?

Архимед Искаков

Да. Лет 40-50 назад, когда ректора алматинских вузов выпендривались брать из провинции или не брать вот этого выпускника – из Актюбинска, Кокчетавы и т.д. или взять своих местных, российские вузы давным-давно перестроились. На всем севере и востоке Казахстана лет 20 с января месяца сидят в комиссии Перербургских, Московских, Томских, Омских, Новосибирских вузов и выбирают наших лучших выпускников туда на роскошных условиях.

Канат Нуров

Теперь правильный ответ от первоисточника.

Асхат Аймагамбетов

Спасибо за вопрос. Вопрос первый хватит ли только повышения заработной платы для того чтобы улучшить образование? Нет, не хватит. И это очевидно. Дело не только в заработной плате, но это очень существенно. Поэтому мы сегодня поднимаем этот вопрос. На сегодняшний день на педагогических специальностях обучается 140 тыс. студентов. Ежегодно выпускается 40 тыс. студентов, при этом потребность порядка 5 тыс. Ежегодно из этих 40 тыс, которые выпускаются из вузов, 10 тыс. идут в школы, остальные не идут. Из тех, кто поступает на пед. специальности средний бал - 50-70 баллов. Очевидно, что педагогическую профессию выбирают не самые успевающие ученики школ и это замкнутый круг. Приходят не очень сильные дети, готовят не очень успешных выпускников. Надо этот круг разорвать. И повышение заработной платы имеет важное значение. Заработная плата растет не только в школах, но и в колледжах, доп. образованиях - это дворцы школьников, музыкальные школы и т.д. и детские сады.

Насчет директоров ситуация была какая, и пока есть, мы еще имплементируем. 50 человек у директора или 1200, они получает равную зарплату. Эффективный он менеджер или нет, зарплата одинакова. Хотя у учителей есть категории, если ты учитель высшей категории, то получаешь надбавку, есть поощрения. Есть мотивационные вещи для эффективной работы. В этом плане видно, что у того, у кого 50 детей - несоизмеримо работы и ответственности меньше, чем у того, у кого 1200. Но при этом директора школ получают меньше учителей. Поэтому мы вводим изменения в систему: первое - дифференциацию в зависимости от нагрузки директора, второе - доплата за мастерство и эффективность. Если его работа эффективна, директор может получать до двух окладов в качестве надбавки. В северных и центральных регионах очень много вакансий - несколько сотен вакансий, и порядка 500 по стране. Мы никак не можем закрыть эти вакансии, потому что не хотят. Если в школе попросить учителя стать завучем, он ответит, а зачем мне это нужно? Родитель приходит, проверяющий приходит - очень большая ответственность. Он должен с 8 утра до 6 вечера, плюс - очень много документов. Для чего мне это нужно. И в итоге у нас очень проблемная ситуация с менеджментом, поэтому мы эти вопросы в том числе и через финансовые стимулирования, уменьшения нагрузки и бумажной волокиты решаем.

Что нужно для повышения качества? Первое, это обновление образовательных программ. Сегодня образовательные программы, к сожалению, во многих наших вузах не отображают потребности рынка труда. МинТруда делали профессиональные стандарты. Когда нам говорят, что нет качества, мы отвечаем, пожалуйста, скажите какой должен быть стандарт? Дайте профессиональный стандарт, какие результаты обучения мы должны сформировать? И рынок, в том числе, от лица «Атамекена» и отраслевых ассоциаций сейчас это делают. 480 профессиональных стандартов нам сделали в декабре, сейчас задача системы образования - имплементировать эти проф. стандарты и результаты обучения, чтобы были такие же в наших образовательных программах. Мы видим какие компетенции нужны, и мы изменяем свои образовательные программы. В этом году стоит задача обновить порядка 4000 программ. Это очень амбициозная большая задача. И мы ее делаем.

Дальше, конечно, это проблема инфраструктуры в школах. Не говоря уже о том, что не найдено решение проблем по поводу трёхсменных и аварийных школ. Хотя мы бы хотели, чтобы были односменные школы. Надо чтобы у ребенка было время посещать доп. занятия и секции и после обеда. Даже спортзалы практически всегда заняты. И говорить не приходится о качестве интернета, оборудования, шкафчики, фонтаны - элементарные условия и с этим тоже есть проблемы. Это тоже влияет на качество.

Система управления - это тоже очень важно. Отдел образования, директора, завучи их система назначения, управления, взаимосвязь с министерством и т.д. Мне говорят, заведи все школы напрямую в Министерство, чтобы они подчинялись или все управления образования. Министерство образования должно только формировать политику. Нет необходимости нам регулировать 7000 школ или 20 тыс. организаций. Сейчас идёт большая работа по усовершенствованию системы управления и системы финансирования. Мы планируем переходить (пилот у нас уже идет) на подушевое финансирование. Эта система дает уже свои плоды. За один только прошлый год открылось 70 частных школ, более чем на 20 тыс. мест. Это за счет того, что мы даем теперь деньги частному сектору. И тут речь идет о том, что, если вы даете деньги, давайте так, чтобы это не регламентировалось и завтра никто не приходил и не говорил, как ты эти деньги потратил. Мы с этим согласны. Система подушевого финансирования должна быть такая: ты отдал деньги, а как

потратили, какие штаты, пусть у него 7 будет завучей, но в рамках этого бюджета руководитель школы должен управляться. Или вопрос касается стоимости подушевого финансирования. В связи с ростом заработной платы появилась дополнительная нагрузка в педагогических государственных организациях, мы пропорционально увеличиваем стоимость госзаказа для частных школ, но нам говорят, что этого еще мало. Вопрос бюджета в данный момент мы еще обсуждаем. Поэтому здесь очень сложно сказать, что через повышение заработной платы мы решим все проблемы. На самом деле, проблемы комплексные - необходимо решать и инфраструктурные задачи, и подготовку кадров, и управления, и вопросы финансирования. И все это в купе дает нам необходимые результаты.

Канат Нуров

Спасибо! Дорогие коллеги, мы с вами вступаем в новую эру. Информационная революция уже свершилась и нам, в принципе, стоит менять все подходы к образованию. И то что сказал Архимед Мынбаевич, нужно менять именно содержание. А мы видим, что эти СОРы и СОЧи - это не обновление содержания. Нам нужно как можно меньше учить предметы справочно-информационные, а больше фундаментальные предметы. Потому что отныне нет проблем с информацией, есть проблема с категориями и понятиями как обрабатывать эту информацию. И в этом отношении, спасибо Вам, Асхат Канатович, что на те предложения, которые мы отправили по политике образования в МОН, мы получили ответ. Конечно, не все так как мы хотели, но то, что началось взаимодействие и согласование — это хорошо. Спасибо Вам за то, что сегодня пришли. Спасибо всем спикерам. И хотел сейчас перейти к вопросам из зала.

Нуркен Курманбаев, КанНТУ

Здравствуйтесь, уважаемые коллеги! Во-первых, критиковать всегда легко. Меня зовут Нуркен Курманбаев, я начальник службы развития и продаж. Как раз-таки НИОКР, научно-исследовательски работаю. Развитие – это моя работа. Почему за все всегда отдувается министр образования? Это неправильно. Образование нужно стимулировать чем? Не только самим

министром, чтобы он во всем был в ответе. Необходимо пригласить сюда министра индустрии и развития, почему они не помогают. Во-первых, образование — это бизнес, а бизнес — это наука. Наука это и есть бизнес. Сейчас недропользователи все работают в рамках кодекса недропользования, исчислению 1% на НИОКРские затраты и 1% на образование. У нас идет тотальное неисполнение. Почему мы говорим о нестимулировании госпрограмм, образования и т.д.? Потому что закон не исполняется. В связи с этим я хотел бы предложить Асхату Канатовичу свое предложение в рамках развития и откуда взять дополнительный бюджет для министерства образования и финансов. Нам необходимо сформировать научно-технический совет в рамках исполнения 1%, вызвать всех недропользователей АГМП, чтобы они отдавали в наши университеты. Потому что идет неполное доверие всем вузам, никто не хочет с нами работать. На самом деле, как раз-таки трансферт-технологии должны идти посредством исполнения в университеты. Если мы сейчас будем формировать геологические кластеры, горно-металлургические кластеры, когда создадутся их сервисные компании все эти недропользователи, когда создадутся их сервисные компании - все сервисные компании Шлюм Берже, Бэйкер Хьюз - они работают на них на основании исполнения науки. А как раз-таки науки там и нет. Кодекс недропользования говорит: необходимо стимулировать нац. контент, национальное местное содержание развивать в этом направлении. Я просто согласен с тем, что Асылбек Базарбаевич правильно говорит, образование почему нужно? Для того чтобы снизить социальное проявление молодого населения. Для революции хватает первое - это студенты, второе - это шахтёры, и третье это - нефтяники.

Еркин Татишев

Я посмотрел программу. Порядка 30 млрд. долларов за следующие 5 лет - такой бюджет, если я не ошибаюсь, это 11,5 трлн тг по сегодняшнему курсу. Цифра большая, хотелось бы понять структуру на школьное образование, студенческое, научное. С точки зрения науки 0,12% ВВП и у меня есть масса сомнений по науке. И я представляю сегодня школьное образование. Я все же думаю, что основа нашего айсберга — это школьное образование, а мы говорим сейчас немного о пике. На самом деле надо посмотреть

финансирование и то, что Асылбек Базарбаевич предлагает, что университеты для со слабым входным - это будут дополнительные школы для сельских ребят. Да, это возможное решение сегодняшних проблем, но это в длинную это не равноценно. То, что я живу в ауле это не значит... И малокомплектные школы — это техническая вещь. С сегодняшним развитием интернета сократовских школ... Можно что-то сделать с нормальной зарплатой. Я как бизнесмен вижу, что решение есть. 30 млрд это большие деньги, хотя возможно это мало если у нас 3-4 млн детей. Но цифры впечатляют, чтобы можно было с этим работать. Финляндия потратила 40 лет на реформы чтобы сейчас иметь инновации, ну последние 10-20 лет. Т.е. 20 лет - путь к инновациям. Не думаю, что наш бюджет может себе это позволить. Все равно ведь есть приоритеты. Ну давайте все сёстрам по серьгам. А я предлагаю, вот Канат Илич любит национальные идеи, на самом деле школьное образование и есть самая главная нац. идея. Казахстанские дети – вот твоя нац. идея. И на самом деле их образование, здоровье и безопасность в приоритете. И вот эти деньги очень легко выстроить. Есть масса хороших примеров как это сделать. Конечно от своей школы мы можем сказать, что академическая свобода — это пик, мы об этом давно мечтали. Вот мы открыли школу три года назад. И мы можем сказать, что сейчас в Казахстане, если ты хочешь открыть школу (как это было 130 лет назад: если ты хочешь купить автомобиль, можешь купить только Ford А черного цвета), ты можешь открыть только обычную классическую казахскую стандартную школу. При всех инновационностях невозможно принести ничего в Казахстан. Т.е. должен обходить законы или как бы глаза закрывать на закон. Все это кривое. С точки зрения закона мы очень ограничены.

На самом деле это вопрос еще госстандарта. Для малокомплектных школ, для больших школ надо вводить разные стандарты. Это не касается только частных школ. Но надо дать возможность академических свобод. Чартерная система образования тоже доказала, что чартерный интерес к управлению школы и финансирования государства, это вполне решаемо. 7 тыс. школ найти для них 7 тыс. душой болеющих людей директоров, которые готовы заняться потому что там его дети или это его родной аул или город, я думаю возможно. В рамках 20-ти миллионной страны, наверно 7000 энтузиастов в образовании мы найдем или людей близких к ним. Если чартерную систему, подушевое финансирование как-то объединить. Снимем ответственность и с министра с

точки зрения качества, локализуем контент, найдем решение и транспортные и онлайн. Будем искать. Этот процесс надо в общество отдать. Надо вовлечь нас как комьюнити. Потому что наши дети там, или внуки. Т.е. все в этой зоне.

Сегодня еще говорили «сельское/городское». Я бы еще сказал казахоязычное и русскоязычное образование. Почему-то этот разрыв качества был еще в Советском Союзе. Как-то его можно объяснить, но я из юга, и там был разрыв между казахскими и русскими школами. Сейчас у нас более казахоязычное образование и конечно качество упало. Вот 40 000 выпускников и слабые ребята идут в слабые вузы. Это - узкое горло казахской системы образования. У нас очень стали плохими педагогические вузы и в них очень маленькое финансирование. Допустим, можно решить, что за учителя даешь в 5 раз больше денег. Нам не нужны 40 000. Ну 10 000, с учетом, что кто-то будет работать, кто-то нет. 10 000, но очень качественных выпускников. Давать хорошие деньги этим вузам. Асеке говорит, 5-10 научно-исследовательских. Да черт с ними! Сделайте 5 отличных педвузов. С частной ли инициативой, с государственной... дайте им деньги и скажите: ребята, ваша задача выпускать каждый год 10 000 учителей выше среднего, которые любят это делать, которые ради этого приходят туда. А с той стороны – пряник, что будет зарплата повышаться, что будем дома давать, если в аул поедешь и будешь местным Сократом в школе. Т.е. можно как-то эту длинную морковку выстроить. Мы, как частная школа, знаем – учительская проблема в Алматы в частной школе, где ты даешь им зарплату 500 000 тенге и у нас есть проблема найти хорошего учителя математики, физики. О чем это говорит в страновом масштабе? Мы вообще в катастрофе. И когда я слышу, что 40 000 выходит на рынок каждый год, у меня вопрос: где они все? Зачем мы финансируем 40 000 студентов?

Асхат Аймагамбетов

На три вопроса ответчу. Мне нравится, когда с одной стороны говорят «не трогайте вузы», с другой стороны говорят «надо 5 вузов только педагогических». Сегодня 86 вузов готовят педагогов. Имеют лицензии. Мы говорим говорим: ребята, давайте мы сделаем специализированные вузы, которые готовили педагогов. Условно – 25-30 под квал. требования. Мы говорим конкретные квал. требования аккредитации – попадает 30. Поэтому мне это нравится.

Дальше – по академической свободе школам. Мы туда идем. Мы это делаем. Понятно, есть ГОСО, есть определенная часть международных школ, которые освобождены от нашего ГОСО. Но есть другие школы, как ваши, например, в которых нет международного бакалавриата или еще чего-то, и вы должны быть в рамках ГОСО. Ладно, ГОСО вы готовы выполнять, но, когда речь идет о жестких типовых учебных планах и программах, вы говорите: дайте нам гибкость. Мы эту гибкость хотим дать. Буквально несколько лет назад было 11 типов типовых учебных программ и планов. Мы к этому, на сегодняшний день идем для того, чтобы была эта гибкость. Но при этом основной государственный общеобразовательный стандарт должен сохраниться.

Дальше. Категорически не согласен с интерпретацией «казахский/русский», что качество в языковых контекстах. Все-таки исследования показывают несколько иную картину. ВОУД и PISA показывают другие вещи и когда ребята поступают в вузы, то средний бал наоборот – в пользу казахоязычных. Это реальная картина.

Теперь что касается 11,5 трлн тенге куда мы тратим? Львиная доля – это заработная плата увеличена – раз. Два - мы будем строить 700 спортзалов. У нас несколько тысяч школ, которые не имеют спортзалов. Мы будем строить 800 школ, потому что у нас достаточно серьезный демографический рост, миграционные процессы – нам надо строить школы. 112 интернатов. Я говорил, что у нас много населенных пунктов, где нет школ и нам важно этих детей привозить чтобы они проживали в интернатах. Оборудование. Мы хотим, чтобы в каждой школе был стандарт - кабинет физики, химии, СТЭМ и т.д. 4 – минимальные. Потому что, если ты учишь химии и у тебя нет оборудования... или робототехнику или СТЭМ, а тебя нет ничего, понятное дело, делать это очень сложно. Компьютеры школам также нужны. Та же самая наука, повышение стоимости грантов для вузов и т.д. Но основная, львиная доля, это все-таки среднее образование. Но при этом, я хочу еще так сказать: говоря, что школа важна, мы не должны забывать, что детские сады тоже важны. Исследование показывает, что 1 доллар, вложенный в ребенка в детском садике дает отдачу 7-8 долларов. Дальше это уменьшается. Т.е. сейчас ученые педагоги говорят, что раннее развитие является жизненно важным и поэтому развивать дошкольные детские организации, их программы – тоже для нас очень важно. Школа тоже важна. Дворцы школьников, доп. образование – очень важные навыки дают – мягкие навыки. Дворцы

школьников, музыкальные школы, секции – это тоже важно. Подготовка кадров в колледжи и вузы. Мы не можем. Поэтому, как сегодня говорили, надо чтобы все эти системы были взаимосвязаны и была преемственность, чтобы каждая система не работала автономно.

Чокан Лаумулин, Кембриджский университет

Спасибо за возможность задать вопрос столь уважаемому собранию. В первую очередь, Асхату Канатовичу. У меня вопрос из области естествознания и связанного с ним и образования и развития науки. Потому что отделить эти два вопроса прост невозможно. Я абсолютно согласен и с предыдущим спикером и, наверно, все в зале с этим согласятся, что возглавляемое вами уважаемое Министерство, как и здравоохранения – два ключевых министерства для будущего Казахстана. Развитие человеческого капитала напрямую зависит от социальной политики. Но при этом все очевидно, что уже 3 десятилетия нашу систему образования и науки трясет. Т.е. мы, отказавшись от европейской континентальной модели прусско-немецко-французской, она же советская, пошли и заявили тренд на англо-саксонскую. Но при этом мы туда все дойти не можем. Т.е. когда сейчас описывали проблемы: что, говорит, не делай, получается «калашников». Я буду говорить о своем Кембриджском университете, вот рынок рынком, но в условиях рынка невозможно нормально университет поставить. Потому что, во-первых, нужно ставить научно-исследовательскую базу огромную. Ни на каких рыночных условиях ее поставить невозможно. Я две недели назад читал лекцию в «Султане Демиреле» - частный университет. Хороший университет, не плохой. Но без этой базы... А это и есть основа англо-саксонского университета, там же не только образование, там еще научные исследования. Это Петр Капица, ФизТех которого упоминал Архимед Мынбаевич, именно по такому принципу – что студенты должны быть вовлечены в научные исследования с первого, второго курса. И когда они вовлечены – это и есть качество образования. Т.е. фундаментальная наука, как справедливо заметили Асхат Канатович, не только в плане открытий нужна, но повышение человеческого капитала невозможно без фундаментальной подготовки ученых. И вот в частных университетах не все, на самом деле, частное. 90% фундаментальных научных исследований (надо разделять индустриальные исследования и фундаментальные) финансируются государством в том же Кембридже. Плюс – огромная культура пожертвований многомиллионных.

Эта такая культура пожертвований, которая формировалась столетиями. Мы ее не можем просто взять и скопировать. Это всегда уникальное дело. Просто ее не будет. Весь наш олигархат сколько жертвует? Т.е. нужны какие-то либо репрессивные, либо поощрительные меры дальше вводить в дополнение к этому одному налогу. У меня вопрос: а есть какие-то цифры? Президент Токаев прошлым летом объявил чуть ли не о десятикратном увеличении расходов, действительно, смешных – больше одного десятого процента на НИОКР, большинство которого идет в один вуз. У людей чуть ли не за год десятикратное увеличение. Планируется ли, в какие сроки и в каком объеме оснащение, расширение экспериментальной научно-исследовательской базы университета, как следование модели, которую мы все-таки выбрали?

Асхат Аймагамбетов

Согласен, что студенты должны быть вовлечены в науку. С этим у нас проблемы есть. Все мы понимаем и уровень университетов и насколько у них есть такие возможности. За исключением нескольких университетов, у многих их нет. Что касается финансирования, в этом году в абсолютном выражении растет оно ровно в 2 раза. При этом, вопрос не только в финансировании – можно его в 10 раз увеличить, но, если система распределения грантов и постановки задач не меняться, в таком случае от этого большой эффективности ждать не приходится. Хотя бы то, что мы объявляем конкурсы раз в три года. Т.е. за три года наука меняется очень быстро. Т.е. если человека не получил грант, ему надо ждать три года. Они, как правило, не ждут и переходят в другие сферы. Поэтому мы говорим, что сейчас мы раз в три года проводить конкурсы не будем, у нас конкурсы будут ежегодно. Для этого государство выделяет дополнительные средства. Поэтому система постановки задач и даже наши классические академические научные институты – поехать посмотреть МТБ, оборудование не менялось продолжительное время, никакого ремонта ничего. Понятно, что тут нужна системная поддержка, создание условий и воспроизводство кадров и вообще изменение системы финансирования и управления науки. Поэтому это комплексно. Только за счет вливания средств проблемы не решить. Поэтому, не смотря, что мы говорим, что школа очень важна, без науки далеко не уйдешь. Вот когда мы вводим обновленку, мы об этом говорили, что гораздо легче вводить обновления в частных школах. Та же самая американская система – когда пытались реформировать государственные школы, но, когда

становилось все больше частных школ, именно они очень многое изменили в системе образования. А потом уже начались изменения в государственных школах. Поэтому мы полагаем, что важные изменения очень хорошо будут приняты и они происходят в том числе в частных школах. Мы вообще не хотим дифференцировать частная школа или государственная, частный вуз или государственный. Для МОН это – организации образования и мы не должны делить и относиться к ним по-разному. У нас одинаковое отношение. Мы требуем на выходе определенные результаты обучения.

Бейбит Апсенбетов

У меня было много вопросов, но последнее выступление уважаемого министра – это то, что я хотел сказать и оно подвело итог. Мы почему-то все время говорим про человеческий капитал, но, когда начинаем говорить про образование, мы начинаем говорить про деньги, а не про личность. Мне кажется, прежде всего и в бизнесе, и в образовании, и в науке – личность имеет значение. Я сам в банке работал. У нас был бэк офис и фронт офис. Я был фронтовик, тот, кто зарабатывал деньги. А бэкофисники придумывали всякие эконометрики – показатели и прочее. Я говорю: ребята, а где деньги? Деньги кто вам приносит? Они говорят: а, это другое; есть наука и куча исследований. Потом у нас разросся бэк офис. Куча контролирующих и понятно, чем кончилось. Мне кажется, если вы хотите изменить науку, начните с простых задач. Первое, мне кажется, по школам, по университетам сделать один показатель: какова трудоустроиваемость университета, выпускники школ поступили в какие вузы. Ну сделайте это. Дайте это общественности. Отслеживайте это. Все, больше никаких метрик не надо. Народ сам разберется и пойдет, потому что вопрос диплома — это же потому что у нас большой госсектор. И там есть стандарты: нет диплома, нет работы. Соответственно народ просто идет на этот диплом, на эту корочку. Если же будете помогать и эту информацию раскрывать, все. Один-два показателя. Что касается финансирования науки. Приглашайте хороших ученых, ищите наших соотечественников, кто когда-то работал здесь. Пригласите, создайте им условия. Также индустриализация была в 30-х годах или 50-х, 60-х. Нет – мы опять упираемся в деньги, в какие-то показатели. Это от лукавого. И последнее. Частные школы очень гибкие, адаптируемые. Надо просто создать для них условия. А государственные, как вы сказали, это, условно говоря, чтобы отстающих к этим частным подтягивать. Если такие принципы, а не

Қазақстан Республикасы,
Алматы қ., 050051
Достық к-сі, ү. 136, 11 қабат
тел.: +7 (727) 327 10 05
info@aspandau.kz
www.aspandau.kz

Научно-образовательный Фонд

ASPANDAU
FOUNDATION

Республика Казахстан,
г. Алматы, 050051
пр. Достық, д. 136, 11-й этаж
тел.: + 7 (727) 327 10 05
info@aspandau.kz
www.aspandau.kz

кучу мелких показателей, заложите в основу, мне кажется, все будет просто.
Не усложняйте, пожалуйста.

Канат Нуров

Одним слово, у нас у всех одна общая цель – это формирование личности нового информационного общества и для этого мы приложим все необходимые усилия. Спасибо всем.

